

Изотова Е.И. Дифференциация социального пространства в юношеском возрасте: на пересечении идентичности и самоотношения

English version: [Izotova E.I. Differentiation of social space in youthful age: at the intersection of identity and self-relation](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Представлены результаты исследования социальной реальности юношей и девушек с разной степенью сформированности идентичности, особенностей их представлений о социальных полях, мобильности социальных групп внутри и вне поля, ограничениях социальной мобильности полей. Продемонстрирована и эмпирически обоснована связь между сбалансированностью личностной и социальной идентичностей, с одной стороны, и образной репрезентацией границ персонального и социального пространств, с другой стороны. Было показано, что значимыми социальными полями (стратами) в юношеском возрасте являются семья, друзья и общество с разным типом отношений к каждой из обозначенных групп. В связи с этим ограничение персонального и социального пространств осуществляется в дихотомическом измерении «Я – Вселенная», с преимущественным их противопоставлением. Динамика границ социального пространства, то есть включение юношами и девушками в ингруппу семьи, друзей или общества зависит от степени сбалансированности их персональной и социальной идентичностей.

Ключевые слова: социальное пространство, социальные поля, социальные страты, дифференциация, интеграция, персональная идентичность, социальная идентичность, ингруппа, аутгруппа

К понятиям «социальное пространство» и «социальная реальность»

В современном научном контексте категория социального пространства является предметом визуальной антропологии, визуальной этнографии, визуальной и рефлексивной социологии.

В социологическом понимании социальное пространство (СП) является контекстом зарождения и существования социальной жизни (социума). Обращаясь к определению социального пространства, практически все исследователи выделяют его сложную пространственно-временную структуру и динамические (подвижные) связи между социальными позициями в определенный момент времени.

Сущностное толкование социального пространства антропологами, социологами имеет некоторые различия, связанные, прежде всего, с расхождениями в понимании социальных позиций (страт, групп, агентов силовых полей), направлений и возможностей их передвижения, линейного или оппозиционного взаимодействия.

Так, Питирим Сорокин в качестве социальных позиций выделял страты (социальные группы), наделенные возможностью вертикального и горизонтального передвижения, что обеспечивает их социальную мобильность. С его точки зрения, социальная стратификация – это некоторое пространство, в котором нечто располагается и движется друг относительно друга, движение внутри этого пространства было названо им социальной мобильностью. Под *социальной мобильностью*

П.Сорокин понимает «любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» [Сорокин, 1992, с. 373].

Передвижения (социальная мобильность) внутри социального пространства возможны в двух измерениях: горизонтальном и вертикальном. Первое измерение обеспечивает индивиду вхождение в определенную социальную группу (профессиональную, социокультурную, гражданскую). Второе измерение характеризует совокупный социальный статус человека, так как включает социальное положение группы в социальной иерархии общества.

Таким образом, социальное пространство в понимании П.Сорокина есть систематизированные пересечения связей между социальными позициями, обладающими силовым воздействием на людей, занимающих данную социальную позицию [Сорокин, 1992].

Еще одно положение теории социальной стратификации П.Сорокина, чрезвычайно важное для теоретического обоснования нашего эмпирического исследования, позволяет выстроить межпредметные параллели (социологические и психологические). Сорокин считал, что определить положение человека в социальном пространстве можно только по отношению его к другим людям и социальным предметам, а также по отношению их к нему самому. В качестве социальных явлений он рассматривал связанные между собой социальные группы. В контексте нашего исследования речь идет о пересекающихся, имеющих диффузные границы аутгруппах (они) и ингруппах (мы), мобильность внутри и между которыми обеспечивается в том числе и эмоциональным отношением к ее членам, самоотношением к своему социальному статусу.

Представитель рефлексивной социологии Пьер Бурдьё применяет понятие социального пространства для обозначения структуры социальных позиций (совокупность социальных полей, социальных агентов), находящихся в определенных социальных отношениях.

П.Бурдьё представляет социальный мир в виде социального пространства, сконструированного, исходя из принципов деления и распределения совокупности активных свойств (индивидуальных и коллективных) агентов. Речь идет о свойствах, способных придавать агентам силу и власть, понимаемую как способность добиваться результатов. Данные активные свойства, положенные в основу построения социального пространства, П.Бурдьё называет *капиталами*. Тот или иной капитал агента является мерой силы соответствующего вида, то есть власти, а также мерой влияния, которое оказывает на него самого эта сила [Бурдьё, 2005].

Сам П.Бурдьё, описывая социальное пространство, понимает его «...как поле сил, необходимость которых навязывается агентам, вовлеченным в данное поле, и как поле борьбы, внутри которого агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями, различающимися в зависимости от их позиции в структуре поля сил, участвующих таким образом в сохранении или трансформации структуры этих позиций» [Бурдьё, 2005, с. 55].

В теории П.Бурдьё нас особо интересует понятие *поля* как области (подпространства) социального пространства. В его понимании поле представляет собой специфическую систему отношений между различными социальными позициями, структурно обусловленными и в большой степени не зависящими от физического существования индивидов (индивидуальных и групповых агентов), которые эти позиции занимают. Наш интерес обусловлен возможностью наложения понятия «поля» на подпространства (систему взаимоотношений) семьи, дружеского и профессионального круга и пр.

Далее обратимся к пониманию ограничения социального пространства, его границ и их характеристик. В классическом понимании *границы в социальном пространстве* – это границы социальных систем, социальных образований, четкость которых зависит от уровня целостности систем, определенности и ясности социальных процессов и явлений.

Более подробно и в разном контекстном освещении границы социального пространства рассматривает Эдмунд Лич. Ссылаясь на всем понятное значение границы как государственного раздела, он расширяет ее понимание в других аспектах – ментальных, духовных, территориальных. Понятие границы он применяет и в отношении социального времени и развития отдельной личности.

«Переходы индивида из одного социального статуса в другой – это череда прерывных скачков: от ребенка – к взрослому, от холостого – к женатому, от больного – к здоровому, от живого – к мертвому. Пребывание в каждом из статусов составляет период социального времени, имеющего социальную продолжительность» [Лич, 2001, с. 45].

Кроме того, Э.Лич вводит понятие *«искусственных границ»* для обозначения отделения одного класса предметов или явлений от другого того пространства, которое в своем «естественном» виде является неразрывным. Этот феномен имеет прямое отношение к попыткам стратификации социальной реальности, которое воспринимается личностью абсолютно цельным ровно до актуализации задачи дифференциации социального пространства на определенные социальные зоны, поля и пр. В это мгновение мы начинаем осознавать различия социальных подпространств и наше к ним отношение. Э.Лич так обозначал данное явление: «Всякий раз, как мы проводим категориальные различия внутри единого поля (пространственного или временного), значимыми становятся именно границы; мы сосредоточиваем наше внимание на различиях, а не на подобиях...» [Лич, 2001, с. 46].

Вернемся к психологическому аспекту рассмотрения проблемы социальной реальности и социального пространства. Психологический предмет изучения социального пространства выделила Т.Д.Марцинковская, обозначив его как «субъективное в объективном». В качестве конкретного психологического содержания она рассматривает отношение к профессии, статусу, положению семьи, к месту проживания, к временной перспективе и ретроспективе. Речь идет, прежде всего, о разных видах идентичности (этнической, территориальной, лингвистической, культурной, социальной), а также о персональных и социальных переживаниях.

Отсюда: *социальное пространство* – текущая культурно-психологическая реальность, вне которой невозможно понять становление и развитие идентичности человека в современной культуре.

Персональная и социальная идентичность как пространственно-временные координаты социального пространства личности

В рамках нашего исследования актуальными являются концептуальные позиции, обращающиеся к дихотомии персонального и социального, понятию баланса идентичностей, сбалансированности социальной и персональной идентичностей. Не менее значимыми являются и представления о специфике идентичности и стратегий совладания в интернет-пространстве [Белинская, 2002, 2012].

Прежде всего, это позиция Ю.Хабермаса, который выделял Я-идентичность как совокупность и баланс личностной и социальной идентичностей, представляющих собой два измерения (горизонтальное и вертикальное). Где «личностная идентичность обеспечивает связность истории жизни человека, а социальная – возможность выполнять требования всех ролевых систем, к которым он принадлежит» [Антонова, 1996, с. 134].

Далее, утверждения Х.Тэджфела о наличии баланса между двумя интересующими нас видами идентичности как о необходимом условии становления «Я». При этом он к личностной идентичности относил физические, интеллектуальные и нравственные самоопределения, а к социальной идентичности – принадлежность человека к различным социальным группам (раса, национальность, пол и т.д.).

Не менее значимой для нас является версия концепции трехуровневого становления идентичности Дж.Тернера, сущность которой состоит в признании обратной связи между личностными и социальными уровнями самокатегоризации. С его точки зрения, доминирование групповой (социальной) идентичности блокирует установки и поведение, порождаемые личностной идентичностью, и ситуация становится обратной при доминировании личностной идентичности. Движение осуществляется от дифференциации себя и членов ингруппы (я и мы) до полной интеграции с ингруппой (мы).

Дж.Тернер выделил три уровня самокатегоризации, основанные на межвидовом, межгрупповом и межличностном сравнении себя с другими.

1. Категоризация себя как человеческого существа, обладающего общими чертами со всеми представителями человеческого вида (высший уровень).
2. Ингрупповая – аутгрупповая категоризация, основанная на сходстве или различии между людьми, определяемыми в качестве членов именно этих социальных групп (промежуточный уровень).
3. Личностная самокатегоризация, основанная на отличии себя как уникального индивида от других членов ингруппы (низший уровень).

И, наконец, предложенная М.Яромовиц трактовка соотношения личностной и социальной идентичности. Согласно ее утверждениям, личностная идентичность – это подсистема знаний о себе, которые формируются из сравнений себя с членами ингруппы и состоят из набора черт, специфичных для «Я». Именно через набор специфических черт, выявляющихся в ходе социального сравнения представителей ингруппы и аутгруппы, автор рассматривает социальную идентичность.

Согласно концепции М.Яромовиц, высокий уровень отличий при сравнении характеристик ингруппы и аутгруппы (Мы - Они) и низкий уровень отличий при сравнении себя с членами ингруппы (Я - Мы) характеризует доминанту социальной идентичности. И, напротив, высокий уровень отличий в случае сравнения себя с членами ингруппы (Я - Мы) и низкий – в случае сравнений ингруппы и аутгруппы (Мы - Они) свидетельствует о доминировании личностной идентичности [Jaromowic, 1998].

Мы использовали данную концепцию в качестве теоретического обоснования для изучения зависимости дифференциации-интеграции социальных групп (аутгрупп и ингрупп) внутри социального пространства от доминирования типа идентичности (социальной и персональной).

Цели и гипотезы исследования

Цель исследования: изучение особенностей социальной реальности юношей и девушек, стратификации и дифференциации их социального пространства, границ личного пространства и пространства другого, их противопоставления и/или интеграции.

Гипотеза 1. Дифференциация социального пространства в юношеском возрасте осуществляется в соответствии со значимыми социальными стратами (семья, друзья, общество) в пространстве дихотомического измерения «Я – Вселенная», с выделением ингрупп и аутгрупп с разным типом отношений к ним.

Гипотеза 2. Границы (ограничения) персонального пространства имеют тенденцию к динамике (расширению или сужению), что обусловлено сформированностью личностной и социальной идентичности, а также уровнем самоотношения.

Гипотеза 3. Мы предположили также, что юноши и девушки склонны скорее к оппозиционированию (противопоставлению) персонального пространства и социальной реальности, чем к их интегрированию.

Методы

Выборка

Исследование проводилось на выборке юношей и девушек в возрасте от 19 до 25 лет. Всего в исследовании принимали участие 71 человек, учащиеся и выпускники разнопрофильных московских вузов, проживающих в Москве и Московской области.

Методики

1. Тест М.Куна и Т.МакПартленда «Кто Я?», направленный на определение сформированности и дифференцированности идентичности, а также на выявление доминирующего компонента

идентичности [Костяк, 2009].

2. Рисуночная методика Е.И.Изотовой «Я и другие», направленная на выявление социального противопоставления и интеграции, границ личного (персонального) пространства и социального контекста [Изотова, 2009].

3. Опросник В.В. Столина и С.Р.Пантелеева (МИС), направленный на измерение самоотношения личности [Марцинковская, Дубовская, 2011].

Результаты и обсуждение

Первоначально нами выявлялись особенности идентичности юношей и девушек посредством модифицированного теста М.Куна и Т.МакПартленда «Кто Я?».

Обработка полученных данных позволила нам дифференцировать самоописания юношей и девушек, определить степень сформированности и дифференцированности идентичности, ее доминирующие компоненты, а также соотношение персональной и социальной идентичностей (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение самоописаний по категориям идентичности

Категории идентичности	Количество самоописаний	
	Всего	Среднее
Рефлексивное Я	694	9,9
Социальное Я	426	6,1
Деятельное Я	51	0,7
Физическое Я	46	0,6
Коммуникативное Я	19	0,3
Перспективное Я	12	0,2
Материальное Я	10	0,1
Общее количество	1258	17,9

Преобладающими самоописаниями являются личностные и индивидуальные характеристики испытуемых (к примеру: ответственный, пунктуальный, веселый, дерзкая, отзывчивая, милая, романтическая, ранимая), которые отнесены нами к категории рефлексивного Я (среднее равно 9,9; здесь и далее в скобках указано среднее количество самоописаний).

Следующую по частоте применения позицию занимают самоописания, фиксирующие учебный и социальный статус, пол, национальную или гражданскую принадлежность (к примеру: студент, совершеннолетний, девушка, дочь, москвичка). Данный вид самоописаний отнесен нами к категории социального Я (6,1).

В значительно меньшей степени испытуемые опираются в своих самоописаниях на деятельное Я (0,8), характеризующее их интересы, увлечения и достижения (к примеру: музыкант, фотограф, путешественница, рисующая, плавающая), а также физическое Я (0,7) как описаний физических и внешних данных (к примеру: красивый, худой, высокая, блондинка).

Самыми непопулярными в данной выборке самоописаниями являются характеристики желаний, намерений, ориентированных на будущее испытуемых (к примеру: будущая мама, будущий психолог и т.п.), а также отношения к окружающей среде (люблю море, скучаю по лесу), отнесенные нами к перспективному Я (0,2) и материальному Я (0,1) соответственно.

Далее мы ранжировали самоописания, занимающие три ведущие позиции (по количеству самоописаний; учитывались первые три ответа на вопрос «Кто я?»), для выявления доминирующих категорий идентичности, значимых для респондентов. По полученным данным, доминирующую позицию занимают характеристики социального Я (54% выборки), затем – характеристики рефлексивного Я (30% выборки). Низший ранг с существенным отрывом демонстрируют самоописания физического Я (4,7% выборки).

Таким образом, юноши и девушки в качестве самоописаний используют чаще субъективные характеристики, что обосновывает значительное преобладание высоких значений персональной идентичности. При этом социальная идентичность характеризуется высокой значимостью, так как присутствует на первых позициях в самоописаниях всех испытуемых.

Присутствие в ранговых позициях физического Я предполагает значимость внешних данных, физических возможностей наряду с личностными качествами как обязательных атрибутов социальной востребованности и компетентности.

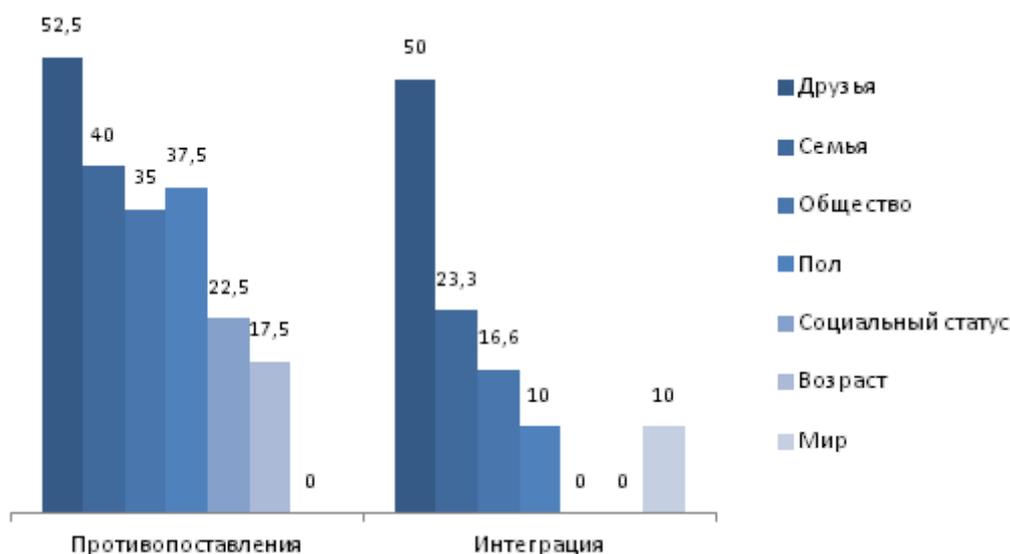
Опираясь на полученные результаты, мы дифференцировали данную выборку на группы по критерию доминирующей идентичности: (1) имеющие более высокие значения сформированности социальной или (2) персональной идентичности, (3) демонстрирующие сбалансированность значений персональной и социальной идентичностей, то есть имеющие примерно равное количество самоописаний рефлексивного Я и социального Я (при расхождении ± 1 характеристика).

Распределение респондентов по группам в итоге осуществилось следующим образом: доминанта персональной идентичности – 64%; доминанта социальной идентичности – 26%; сбалансированность персональной и социальной идентичности – 10%.

Таким образом, мы констатировали достаточно высокий уровень сформированности идентичности у девушек и юношей обследованной выборки (среднее количество самоописаний 17,9 из 20 возможных) при выраженной доминанте персональных компонентов идентичности (9,9). Данные о количестве личностных и социальных характеристик самоописаний респондентов (среднее – 9,9 и 6,1 соответственно) свидетельствуют о недифференцированности идентичности. Преобладание в выборке респондентов с выраженным доминированием личностной (персональной) или социальной идентичности позволяет говорить о достаточно низком уровне сформированности целостной «Я-идентичности» в целом.

Следующим шагом эмпирического исследования являлось изучение особенностей представлений испытуемых о персональном пространстве и пространстве другого, их границах и координатах, а также эмоционального отношения к себе и своему социальному окружению посредством рисуночной методики «Я и другие».

Было выявлено, что интеграцию, то есть позицию «я – часть семьи, общества, вселенной» продемонстрировали в общей сложности 40% испытуемых. В то же время противопоставление, то есть позицию разновекторного разведения персонального и социального пространств («я» и «другие» соответственно) – 60% испытуемых. Данный факт подтверждает сохранение в юношеском возрасте тенденции к противопоставлению себя социуму, характерной для подросткового возраста [Изотова, 2009]. Результаты изучения ограничений социального пространства, актуальных для юношеского возраста, представлены на рис. 1.

Рис. 1. Дифференциация персонального и социального пространств с обозначением их границ и оснований для противопоставления / интеграции (% от количества испытуемых).

Чаще всего юноши и девушки ограничивали свое пространство дружеским кругом и родственными отношениями, в некоторых случаях они его расширяли до общественных отношений (социум), еще реже границы захватывали мир, вселенную. В отдельных случаях социальное пространство сужалось до границ личного, накладывалось на него, центрировалось (Я – Вселенная) (см. табл. 2).

Таблица 2

Границы персонального и социального пространств в образной репрезентации юношей и девушек (% от количества испытуемых)

	Противопоставление	Интеграция
<i>Поля персонального \ социального пространств</i>		
Друзья	52,5	50,0
Семья	40,0	23,3
Общество, социум	35,0	16,6
Мир, Вселенная	–	10,0
Центризм	–	2,0
<i>Объективные характеристики противопоставлений / интеграции (представления)</i>		
Пол –	37,5	
Социальный, семейный статус и место проживания –	22,5	
Возраст –	17,5	
<i>Субъективные характеристики противопоставлений / интеграции (отношение)</i>		
Размер и ракурс изображений –	44	

Детализация изображений – 27
Расположение на листе – 19
Цветовое исполнение – 10

Мы констатировали самое популярное для данной выборки разграничение персонального и социального пространств – дружеский круг. В одних случаях он является частью личного и включен во внутренний круг социального контекста (50%). В других случаях он является пространством других, вынесен за границы личного и ему противопоставляется (52,5%). Здесь необходимо отметить, что в некоторых случаях юноши и девушки используют одновременно и интегрирующую, и противопоставляющую позицию («я и мои друзья» против «некто с его друзьями»), что характерно при групповом противодействии субкультурных и прочих объединений (этим объясняется сумма, равная 102,5%, т.е. 50% + 52,5%).

Объективными характеристиками ограничения личного пространства являются пол, возраст и социальный статус испытуемых. Так, основаниями для противопоставления или/и интеграции являются сходство или различия пола (17,5%), возраста (37,5%) и социального статуса (25,5%).

Большая часть выборки дифференцируют свои изображения от изображений других, используя персональное противопоставление (я – он, она, они), а также групповое противопоставление (мы – они). Так, противопоставляя себя членам своей семьи, испытуемые используют свой образ (я) в противовес образам «других» – родителей, прародителей, сиблингов. Идентификация с референтной группой иллюстрируется включенностью автоизображения в череду идентичных изображений (мы), которые очевидно дифференцируются от противоположной группы изображений (они, другие).

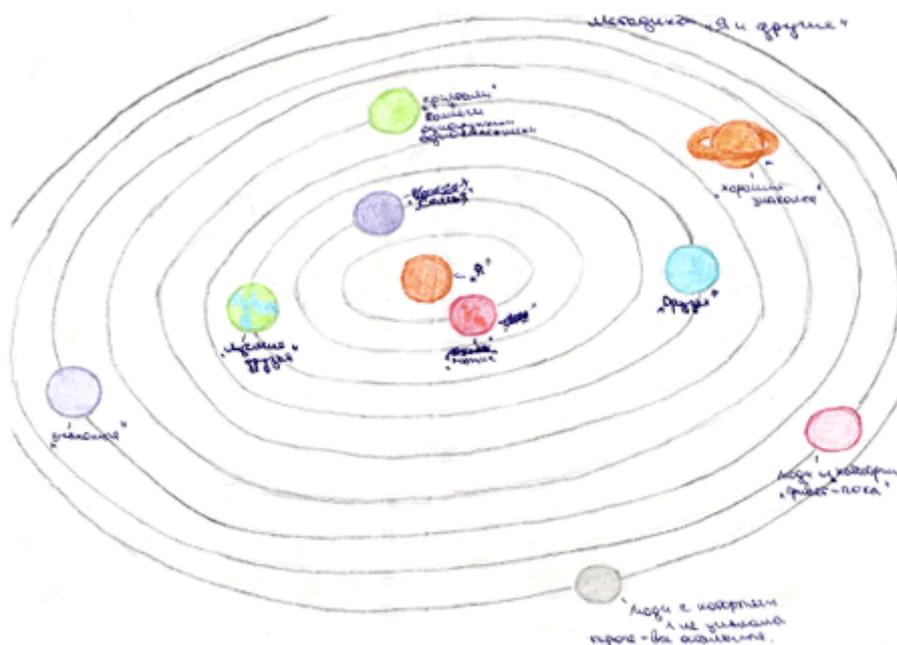
Примером персонального противопоставления (я и другие) выступает рисунок, где испытуемая использовала различные ракурсы при изображении себя (анфас) и всех своих друзей (профиль), используя графические способы противопоставления изображений для фиксации эмоционального отношения к ним (см. рис. 2).

Рис. 2. Иллюстрация персонального противопоставления.

Групповое противопоставление (мы и они) ярко выражено в рисунке, на котором испытуемая изобразила себя в качестве члена семьи своего мужа, демонстрируя смену своего статуса и идентичности, отнеся своих родных в категорию «других».

Примером интеграции личного и социального пространств с максимальным для данной выборки расширением границ является изображение планетарной модели солнечной системы с центрированием позиции автора изображения и орбитальным расположением социального окружения, с обозначением степени близости-дальности отношений (см. рис. 3).

Рис. 3. Иллюстрация интеграции личностного и социального пространств с выраженным центризмом.

Ведущим графическим способом противопоставления / интеграции для обозначения эмоционального отношения к объектам и пространству являются сходство или различия размера и ракурса изображений (44%), степень детализации изображений (27%), расположение рисунка на листе (19%) и цветное исполнение (10%).

Сопоставив результаты изучения идентичности (методика «Кто я?») и ограничений персонального / социального пространств (методика «Я и другие»), мы дифференцировали испытуемых на три группы, обозначив их сходства и различия (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ограничений социального пространства испытуемых в соответствии с сформированностью их персональной и социальной идентичностей (% от количества испытуемых)

	Доминанта идентичности		Сбалансированность идентичности (отсутствие доминанты)
	персональной	социальной	
Противопоставление	35,7	15,7	8,6
Интеграция	28,5	10,1	1,4
<i>Границы противопоставления / интеграции</i>			
Друзья	59,0	27,0	13,6
Семья	61,3	28,6	0
Общество	71,4	21,4	7,1
Мир, Вселенная	6,6	4,2	2,0
<i>Объективные характеристики противопоставления / интеграции</i>			
Социальный статус	29,8	2,2	2,1
Возраст	20,6	10,1	2,3
Пол	38,2	18,7	8,6

Нами выявлено, что основной характеристикой преобладания сформированности личностной идентичности, ее доминирования является центризм и интеграция с семьей как устойчивая ингруппа (я – мы). В качестве аутгруппы рассматриваются «другие», дифференцированные на группы «друзей» и «общество в целом», с выраженной оппозиционностью по отношению к ним.

То есть *при доминировании персональной идентичности* (высоком уровне сформированности личностной идентичности) юноши и девушки чаще противопоставляют себя обществу, реже – семье. При этом основаниями для противопоставлений являются различия пола и статусные позиции (учебный, семейный, профессиональный статусы).

Основной характеристикой преобладания сформированности социальной идентичности, ее доминирования является противопоставление, оппозиционность по отношению к семье и друзьям (они рассматриваются как недифференцированная аутгруппа, скорее как отвергаемая в настоящий момент ингруппа из недалекого прошлого). Интегрируется данная юношеская группа чаще с обществом и миром в целом, в основном по основанию социального статуса.

То есть *при доминанте социальной идентичности* (высокий уровень сформированности социальной идентичности) противопоставления также остаются ведущим типом отношения, прежде всего к семье, затем к друзьям. Объективным основанием разграничения себя и других для этой группы испытуемых являются также различия пола и возраста. По основанию социального статуса они, скорее, интегрируются с обществом, а также с миром в целом.

В случае *сбалансированных значений персональной и социальной идентичностей* наблюдается абсолютное противопоставление, оппозиционность дружескому кругу при практически единичных случаях интеграции с ним. То есть друзья являются дифференцированной аутгруппой при нейтральном отношении испытуемых к ней. Допускается наличие параллельных социальных пространств «моей вселенной» – «вселенной моего друга». Объективной характеристикой разграничения своего пространства и пространства другого остаются различия пола, в меньшей степени – возраста.

В завершение с помощью опросника Столина В.В. и Пантелеева С.Р. (МИС) нами рассматривалось целостное самоотношение юношей и девушек через совокупный анализ профиля девяти субшкал: закрытость, самоуверенность, саморуководство, отраженное самоотношение, самоценность, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность, самообвинение.

Полученные результаты позволили определить пять уровней самоотношения юношей и девушек данной выборки (см. рис. 6). Доминирующим является позитивное самоотношение (45,7% от всей выборки), существенно реже представлено негативное самоотношение (21,4% испытуемых). Следующие позиции занимают две смешанные комбинации – «позитивных выборов > негативных» (15,7%) и «негативных выборов > позитивных» (10%), завершает перечень нейтральное самоотношение, наименее представленное в выборке (7,1%).

Позитивное самоотношение констатировалось нами при высоких значениях субшкал самоуверенности, самоценности, самопринятия, самопривязанности, саморуководства, отраженного самоотношения; низких значениях субшкал закрытости, самообвинения и внутренней конфликтности. При смешанных результатах (присутствие высоких значений как в позитивных субшкалах, так и в негативных) позитивное самоотношение определялось нами при преобладании позитивных ответов.

Негативное самоотношение фиксировалось нами при высоких показателях субшкал внутренней конфликтности, самообвинения, закрытости; низких показателей по всем остальным. При смешанных результатах негативное самоотношение определялось по большинству негативных ответов по отношению к позитивным.

Нейтральное самоотношение было констатировано при средних значениях по всем субшкалам.

Заключение

Для современного психологического контекста актуальными вопросами изучения социального пространства являются: структура и динамика компонентов социального пространства; дифференциация и интеграция «полей» и «страт» социального пространства; представления о групповой дифференциации социальной реальности и отношение к членам групп (аутгрупп и ингрупп) как механизмы пересечения «искусственных» границ подпространств; антиномия (противопоставление) личности и общества, представленная оппозицией категорий «официальный социальный статус – личностные черты».

Выводы нашего исследования позволяют эмпирически обозначить данные актуальные вопросы в контексте социальной психологии личности:

1. Значимыми социальными полями (стратами социального пространства) в юношеском возрасте являются «друзья» (дифференцированный по степени близости и значимости круг общения), «семья» (конкретизированное социальное поле, имеющее выраженные границы, часто формальные) и «общество» (неконкретизированное социальное поле, обладающее социальным давлением – властью), которые могут входить в структуру как ингруппы, так и аутгруппы. При поставленной перед испытуемыми задаче *искусственного разграничения* социальной реальности дифференциация (стратификация) социального пространства осуществлялась ими в соответствии с выделенными выше социальными полями.

2. Наиболее динамичной, то есть имеющей более высокую социальную мобильность при переходе из ингруппы в аутгруппу, является группа «друзья». Несколько меньшей, но выраженной мобильностью отличается социальное поле семьи, что связано с характерной для юношеского возраста попыткой создать свою собственную семью как демонстрацию социальной зрелости и сепарации. Изменение статуса и социальной роли (от дочери / сына к жене / мужу) испытуемых находило отражение в трансформации структур ингрупп и аутгрупп по основанию членов «моей семьи» и «семьи моих родителей».

3. Стратифицированное социальное пространство (социальная реальность) юношей и девушек, согласно их образной репрезентации, представлено либо центрированной моделью, где центром является сам испытуемый, либо разновекторной моделью, где испытуемый определяет базовое и противоположное ему направления. Первая модель демонстрирует интеграцию социальных полей, где ингруппа и аутгруппа часто имеют формальные границы. Вторая модель иллюстрирует социальную дихотомию, противопоставление социальных полей с четко выраженными границами ингруппы и аутгруппы. Основаниями для противопоставления или интеграции выступают родственные, дружеские и профессиональные связи (отношения), а также различия пола, возраста и социального статуса.

4. Юноши и девушки значительно чаще демонстрируют разновекторную модель социальной реальности, что предполагает доминанту оппозиционного противопоставления социальных полей (от семейного и дружеского круга до общества в целом) персональному пространству испытуемых.

5. Различия в составе и границах ингрупп и аутгрупп у юношей и девушек с разной степенью сбалансированности личностной и социальной идентичности позволяют связать их со сформированностью целостной «Я-идентичности».

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 13-06-00272 «Социальное и информационное пространство: взаимосвязь и взаимозависимость».

Литература

Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии. Вопросы психологии, 1996, No. 1, 131–143.

Белинская Е.П. Человек в информационном мире. В кн.: Г.М. Андреева, А.И. Донцова (Ред.),

Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 203–220.

Белинская Е.П. Я-для-себя или Я-для-Других: юношеские дневники эпохи «перепостмодерна». Дети в информационном обществе, 2012, No. 9, 44–49.

Бурдые П. [Burdye P.] Социальное пространство: поля и практики. Н.А. Шматко, пер. СПб.:Алетейя; М.:Институт экспериментальной социологии, 2005.

Изотова Е.И. Особенности идентичности и социальных переживаний юношей в современной социальной ситуации: содержание и феноменология. Психологические исследования, 2009, 5(7), 7. <http://psystudy.ru>

Изотова Е.И. Рисуночная методика «Я и другие». В кн.: Социализация детей и подростков. Методический комплекс. М.: Моск. пед. госуд. университет, 2009. С. 91–93.

Костяк Т.В. Тест «Кто Я?». В кн.: Социализация детей и подростков. Методический комплекс. М.: Моск. пед. госуд. университет, 2009. С. 13–21.

Лич Э. [Leach E.] Символическое упорядочение мира человеком: границы социального пространства и времени. В кн.: Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Восточная литература, 2001.

Марцинковская Т.Д., Дубовская Е.М. Опросник для измерения самоотношения (МИС). В кн.: Социализация подростков и молодежи в разных институтах социализации и в различных социокультурных условиях. Методическое пособие. М.: Федеральный институт развития образования (ФИРО), 2011.

Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992.

Jaromowic M. Self-We-Others schemata and social identifications. In: S. Worchel, J.F. Morales, D. Paez, J. Deschamps (Eds), Social identity: International perspective. New York, NY: Sage, 1998. pp. 44–52.

Поступила в редакцию 29 июня 2013 г. Дата публикации: 26 августа 2013 г.

[Сведения об авторе](#)

Изотова Елена Ивановна. Кандидат психологических наук, доцент (ученое звание), ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: teoretic@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Изотова Е.И. Дифференциация социального пространства в юношеском возрасте: на пересечении идентичности и самоотношения. Психологические исследования, 2013, 6(30), 6. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Изотова Е.И. Дифференциация социального пространства в юношеском возрасте: на пересечении идентичности и самоотношения // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/857-izotova30.html>

[К началу страницы >>](#)